ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ

УДК 904

DOI: 10.17223/19988613/54/20

К.Т. Акматов

РЕКОНСТРУКЦИЯ СНАРЯЖЕНИЯ ВЕРХОВОГО КОНЯ КОЧЕВНИКОВ ТЯНЬ-ШАНЯ В МОНГОЛЬСКОЕ ВРЕМЯ

Исследование проведено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 33.5677.2017/БЧ).

На основе вещественных находок из погребений с учетом данных изобразительных источников реконструируется снаряжение верхового коня населения Тянь-Шаня в монгольское время. Уделяется внимание обстоятельствам их нахождения в захоронениях. Характеризуются все основные категории предметов конского снаряжения. Основными результатами исследования являются графические реконструкции одного из уздечных наборов и седельного набора. Поскольку большинство использованных нами предметов происходит из женских погребений, то воссозданное конское снаряжение условно названо женским.

Ключевые слова: Тянь-Шань; монгольское время; погребение; удила; узда; седельный набор; изобразительные источники.

Предметы конского снаряжения являются сравнительно частыми, но не обязательными находками в погребениях кочевого населения Тянь-Шаня в монгольское время. Только в 30 из раскопанных около 100 захоронений был обнаружен тот или иной предмет сбруи верхового коня. Находки включают удила, уздечные наборы, седла, стремена, подпружные пряжки и декоративные бляшки. Представленный материал позволяет реконструировать облик снаряжения верхового коня, первая попытка которого предпринимается в настоящей работе. Те части сбруи, которые в силу специфики материала и, отчасти, погребального обряда не дошли до нас, дополняются данными иранской миниатюры и юаньских статуэток взнузданных и оседланных коней [1, 2]. Поскольку использованный для реконструкции материал в основном происходит из женских погребений, то и воссозданное конское снаряжение следует условно назвать женским.

Предметы конского снаряжения встречаются как в мужских, так и в женских погребениях (о погребениях Тянь-Шаня в монгольское время см.: [3. С. 99–141; 4. С. 12–41]). В одном случае находка сбруи была сделана в детском захоронении. Расположение их в могилах разнообразно. Наиболее часто сбруя находилась в ногах погребенных, редко – в изголовье. В двух случаях предметы конского снаряжения располагались на внутримогильном деревянном перекрытии. В одном случае удила и стремя были обнаружены во входной яме подбойного погребения. Набор предметов, состоявший из железных стремени, удила, оковок седла и подпружной пряжки, находился под насыпью кургана 120 могильника Ала-Мышык на уровне древнего горизонта. В нескольких случаях из-за разграбленности погребений первоначальное положение и состав сопроводительного инвентаря точно не установлены.

Состав сбруи в погребениях неоднобразен. Судя по непотревоженным памятникам, часто встречается сочетание седла, удила и стремян или пряжек. Не менее стабильны находки удила и стремян или седла и стремян. Реже находят отдельные предметы конского снаряжения: седло или стремяна. Наиболее полные и богатые комплекты конского снаряжения были обнаружены в женских погребениях могильников Айгыржал, Бел-Саз I, Боз-Адыр и Секи I, которые состояли из уздечного набора с удилами или без них, седла, стремян и подпружных пряжек.

От узды до нас сохранились десять железных удила с разной степенью сохранности и фрагменты от четырех оголовий с металлическими украшениями. В одном из ограбленных погребений найдены фрагмент ремня и бляшка, совершенно аналогичная бляшкам одной из узд. Интересно, что из четырех отмеченных оголовий только одно имело удила, остальные три – без них. Большинство удила встречены без всяких следов кожаного оголовья, хотя вполне возможно, что они были, но к нашему дню полностью истлели. Об этом свидетельствуют данные из двух погребений, где в одном из них зафиксирован кольчатый псалий с фрагментами прикрепленных к нему грызла и ремня, в другом – вместе с удилами найдена пара округлых бляшек, видимо, от оголовья.

Все удила из погребений Тянь-Шаня рассматриваемого времени изготовлены из железа и состоят из двух подвижно соединенных звеньев и зажатых в их окончаниях кольчатых псалиев. Такие изделия, получившие в археологической литературе название «удила с кольчатыми псалиями», наиболее характерны для эпохи развитого Средневековья на огромной территории Евразии [5. С. 190]. Их особенность заключается в том, что кольца, вставленные в окончания грызла служили для прикрепления оголовья, поводка и одновременно выполняли функцию псалиев.

Рис. 1. Фрагменты узды из погребения 3 могильника Секи I (1) и ее реконструкция (2)

Рис. 2. Реконструкция снаряжения верхового коня населения Тянь-Шаня в XIII–XIV вв.
По материалам погребений и изобразительных источников

По форме сечения грызла удила рассматриваемой коллекции делятся на два типа: округлые и прямоугольные. Последние действовали строже, следовательно, применялись для управления норовистыми лошадьми и (или) для их выездки. Однако постоянное использование таких удил могло травмировать ротовую полость коня и вообще испортить верховое животное. Вероятно, поэтому удила с гранеными грызлами из погребений Тянь-Шаня представлены единственным экземпляром, что, возможно, отражает реальное положение вещей, хотя в некоторых комплексах они явно преобладают [6. С. 87]. Последнее могло быть связано с особенностями верховой езды и (или) породой верхового животного, отличающейся высокой резвостью и норовистостью.

Судя по количеству находок (8 экземпляров), широко применялись удила с округлыми в сечении грызлами. Стержни удил относительно массивны. Современные коневоды отмечают, что «чем тяжелее удила (грызла. – А.К.), тем спокойнее они лежат во рту и за счет этого приятнее для лошади» [7. С. 24]. Однако это не значит, что управление верховой лошастью такими удилами было менее эффективно. Они не только хорошо выполняли свою функцию, но и не портили верховые качества животного.

Помимо удил в погребениях были обнаружены отдельные фрагменты кожаных оголовий и металлические украшения от четырех уздечных наборов. Все они происходят из женских погребений с относительно богатым сопроводительным инвентарем. Уздечный набор из погребения 3 могильника Секи I по своему составу самый богатый и полный из всех четырех наборов (рис. 1, I), благодаря чему существенно упрощается восстановление его первоначального облика.

Из кожаных принадлежностей узды сохранились отдельные обрывки ремней оголовья, крупный фрагмент подвесной бляхи сердцевидной формы и ремешок для подвешивания бронзовой сферической подвески. Судя по отдельным обрывкам, ремни двойные, прошитые по краям тонкими сухожильными (?) нитями. По ширине выделяются два вида ремней: узкие и широкие. На них и на кожаной подвеске в первоначальном виде сохранились отдельные бляшки. Перекрещивающиеся ремни, судя по сохранившемуся фрагменту, прошивались между собой (рис. 1, I).

Металлические принадлежности узды представлены: четырьмя крупными округлыми бляшками из тонких пластин с двумя заклепками по краям для крепления к ремню и с изображением восьмилепестковой розетки; десятью маленькими подтреугольными бляшками с одной центральной заклепкой и шестилепестковой розеткой; сорока восемью Е-образными бляшками с двумя отверстиями для заклепок; сферической полый подвеской со сквозным отверстием для ремешка и ребром посередине; округлой бляшкой с центральным отверстием. Орнамент на бляшках выполнен с помощью техники штамповки (рис. 1, I).

Округлые бляшки входят в круг изделий (многолепестковые розетки), широко известных в материалах средневековых культур. Среди ближайших по форме аналогий отметим бляшки из древнетюркских погребений с конем в Самарканде и Иссык-Кульской котловине [8. Рис. 20, 20; 9. Рис. 2, 6]. Если самаркандские бляшки относят к украшениям конской сбруи, то иссыккульские изделия, судя по месту находки, являются принадлежностями пояса. Аналогичная бляшка известна также в материалах Осинкинского могильника начала II тыс. н.э. в Верхнем Приобье [10. С. 43. Табл. XII, 7].

Значительно меньше аналогий у Е-образных бляшек. Похожие предметы известны из памятника енисейских кыргызов Калтышино в Кемеровской области. Однако в отличие от наших бляшек кемеровские изделия имеют только одно отверстие для заклепки. Автор раскопок – известный российский археолог Д.Г. Савинов – интерпретировал их как украшения узды и датировал памятник началом II тыс. н.э. [11. С. 85–89. Рис. 7, 4, 5]. Изображения, напоминающие контур наших бляшек, мы находим на металлической подвеске из Минусинского музея, отнесенной к древностям енисейских кыргызов XIII–XIV вв. [12. Рис. 32, 5]. По мнению И.Л. Кызласова, Е-образные накладки в культуре енисейских кыргызов (аскизская культура по И.Л. Кызласову) характерны для XIII–XIV вв. [13. С. 129].

Сферическая подвеска, изготовленная из двух полусферических половинок, стык которых выделен выступающим ребром, судя по аналогиям, служила украшением узды. Наиболее близкая аналогия, которая позволяет нам достоверно определить местоположение нашей подвески в узде, происходит из богатого мужского половецкого погребения середины XIII в. на берегу реки Чингул в Украине [14. С. 17–18]. Само изображение изделия отсутствует в публикации материалов раскопок, однако по приведенным данным понятно, что «серебряная уплощенносферическая погремушка крепилась на лбу коня» [Там же], т.е. на налобном ремне оголовья. Графическая реконструкция воинского комплекса и снаряжения коня из чингульского погребения, выполненная М.В. Гореликом, хорошо проясняет детали уздечного набора, включая местоположение сферической подвески [15. Рис. 6].

Точных параллелей подтреугольным бляшкам с изображением розетки и округлой бляшке с центральным отверстием найти не удалось. Но как их контур, так и орнамент на них встречаются в материалах разных культур Средневековья и не имеют ни хронологической, ни культурной привязки.

В реконструированном виде узды из могильника Секи I состоит из нащечных, затылочного, наносного, налобного и подбородочного ремней. О наличии двух поперечных ремней (т.е. наносного и налобного) свидетельствуют не только фрагмент перекрещивающихся ремней, но и четыре крупных округлых бляшки. Последние крепились на перекрестии нащечных ремней с наносным и налобным ремнями. Узкий налобный ре-

мень украшен подтреугольными бляшками. На нем в центре с помощью ремешка подвешено бронзовое сферическое украшение. В середине наносного ремня могла крепиться кожаная сердцевидная подвеска, украшенная по краям Е-образными бляшками. Судя по сохранившимся деталям, аналогичными бляшками, расположенными вертикально, усажен и наносный ремень. На нащечных ремнях крепились Е-образные бляшки, острыми сторонами ориентированные вниз. Нижние концы нащечных ремней прикрепляли на кольчатые псаили удил, к которым привязывался повод (рис. 1, 2).

От седельного набора в погребениях сохранились седла с железными или костяными оковками и кольцами для приторочивания груза, стремяна, подпружные пряжки и подвесные бляхи на нагрудный и подхвостный ремни. О потниках и чепраках, изготавливаемых из войлока и кожи и подкладываемых под седло, каких-либо данных нет. Однако, естественно, это не означает, что они не использовались населением Тянь-Шаня в рассматриваемое время. Войлочный потник, служащий для впитывания пота лошади и равномерно распределяющий вес седла и всадника, является необходимой частью сбруи как верхового, так и вьючного и упряжного животного. Судя по находкам в пазырыкских курганах, он был известен еще в скифские время, т.е. до изобретения седла с жесткой основой. Войлок и в настоящее время является лучшим материалом для изготовления потника.

Кожаный чепрак, наряду с потником, является важным составляющим снаряжения верхового коня. Судя по изобразительным, археологическим и этнографическим данным, он постоянно использовался под седло с жесткой основой [16. Рис. 92, 98; 17. С. 68, 85, 115]. О подкладках под седло (потник, попона, чепрак) монгольского времени ясное представление дают иранская миниатюра и юаньские статуэтки лошадей, которые учитывались нами при реконструкции сбруи верхового коня [1, 2].

Из погребений кочевников Тянь-Шаня монгольского времени происходит одна из крупных коллекций деревянных остовов седел. Подробнее о седлах региона рассматриваемого времени см. [4. С. 114–122] по всей территории империи Чингисхана и его преемников. Всего к настоящему времени нам известно семь полностью или почти полностью сохранившихся ленчиков. Еще шесть изделий дошли до нас фрагментарно, но общая форма их улавливается. Кроме того, в семи погребениях были обнаружены железные, костяные и деревянные принадлежности седел (оковки, подпружные пряжки). Таким образом, общее количество зафиксированных в погребениях седел и их остатков составляет 20.

Все остовы седел изготовлены из дерева. По своей конструкции они состоят из четырех деталей: вертикальной передней и наклонной задней лук и двух полок, скрепленных друг с другом с помощью кожаных ремешков через отверстия. По форме и способу оформления деревянных деталей практически каждый

экземпляр своеобразен. Особенно это касается задних лук. Определенные вариации наблюдаются и в формах полок. Но в целом все рассматриваемые изделия, возможно, кроме одного частично сохранившегося экземпляра, относятся к кругу седел так называемого монгольского типа, распространенных по всей степи Евразии с начала II тыс. н.э. [16. С. 226; 18. С. 31–37]. Характерными чертами седел «монгольского» типа, как известно, являются более массивные луки и полки с прямым нижним краем [Там же].

По форме передних лук седла «монгольского» типа из погребений Тянь-Шаня разделяются на несколько подтипов: трапециевидные (5 экз.), арочные (2 экз.), подпрямоугольные (1 экз.). Такая вариация, возможно, была обусловлена разным назначением изделий и (или) принадлежностью их разным половозрастным категориям. Седла с трапециевидной передней лукой, например, могли служить парадным снаряжением и применяться, преимущественно, женщинами.

Одним из характерных черт седел монгольского времени, судя по изобразительным источникам, являются полуовальные кожаные лопасти, располагавшиеся по сторонам седла. Их функция заключалась в том, чтобы защитить бедра всадника от трения о стремянный ремень. Данная деталь, происходящая, как установил С.И. Вайнштейн, от древнетюркских седел с лопастями в нижней части полок, присутствует и на сбруе этнографического времени [19. С. 135]. В отличие от этнографических экземпляров кожаные лопасти (тебенки) на седлах монгольского времени, судя по миниатюрам и статуэткам, составляли одно целое с седельным покрытием.

К седельному набору из погребений Тянь-Шаня относятся подпружные пряжки и железные полусферические бляшки. Их место в сбруе и назначение определяются по многочисленным аналогиям. Существует мнение о том, что близкие к нашим бляхам изделия подвешивались на налобный ремень оголовья. Однако более вероятным нам кажется предположение о том, что крупные бляхи полусферической формы служили украшением нагрудного и подхвостного ремней, подобно округлым бляшкам из кимакского погребения в Верхнем Прииртышье, сохранившим свое первоначальное местоположение в сбруе [20. С. 72, 5; 21. Рис. 2, 12].

Все сказанное позволяет реконструировать седельный набор следующим образом. Сначала на спину коня клали четырехугольный потник, состоящий из нескольких слоев войлока. Поверх него помещался кожаный чепрак, который мог украшаться орнаментом, выполненным с помощью техники тиснения или аппликации. Затем клали седло с подвешенными на него стремянами. Обычно седло обтягивалось сыромятной кожей и обивалось костяными или железными накладками. Оно укреплялось на теле лошади с помощью подпруги, нагрудного и подхвостного ремней. О количестве подпруг судить сложно. В погребениях обычно находят по одной подпружной пряжке, редко

– по две. На иранской миниатюре подпруга не изображена. Возможно, она располагалась под кожаным чепраком, что, на наш взгляд, маловероятно. На некоторых юаньских статуэтках верховых коней седло закреплено с помощью одной подпруги. Как бы то ни было, подпругный ремень, обычно широкий, застегивался слева, под брюхом лошади большой четырехугольной пряжкой. Нагрудный и подхвостный ремни с подвесными бляхами крепились на полках седла с помощью колец с пробоями. Такие же кольца с ре-

мешками служили и для подвешивания груза. Поверх седла располагалась подушка (покрытие) с лопастями, защищавшими бедра всадника от трения о стременный ремень (см. рис. 2).

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении вещественные находки из погребений и данные изобразительных источников позволили достаточно полно реконструировать один из возможных обликов снаряжения верхового коня населения Тянь-Шаня в «монгольское» время.

ЛИТЕРАТУРА

1. Illustrations of costume and soldiers and sites of interest. Copyright 2011. URL: <http://www.warfare.altervista.org/> (дата обращения: 12.06.2015).
2. Shaanxi Provincial Institute of Archaeology. Preliminary Report on the Excavation of Yuan Tombs at the Huangzipo village in the Southern Suburb of Xi'an // *Archaeology and Cultural Relics*. 2014. № 3. P. 21–34.
3. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. Бишкек: Айбек, 1996. 256 с.
4. Акматов К.Т. Вооружение и конское снаряжение кочевников Тянь-Шаня в монгольское время: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 236 с.
5. Могильников В.А. Памятники кочевников Сибири и Средней Азии X–XII вв. // *Степи Евразии в эпоху Средневековья*. М.: Наука, 1981. С. 190–193. (Археология СССР).
6. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
7. Андреа фон Б. Снаряжение для лошадей и пони. Седла, уздечки, удила. М.: Аквариум-Принт, 2006. 126 с.
8. Могильников В.А. Тюрки // *Степи Евразии в эпоху Средневековья*. М.: Наука, 1981. С. 29–43. (Археология СССР).
9. Зяблин Л.П. Средневековые курганы на Иссык-Куле (по материалам раскопок 1954–1955 гг.) // *Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции*. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. С. 139–154.
10. Савинов Д.Г., Новиков А.В., Росляков С.Г. Верхнее Приобье на рубеже эпох (басандайская культура). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. 424 с.
11. Савинов Д.Г. Могильник Калтышино I (новые материалы по археологии начала II тыс. н.э.) // *Памятники раннего Средневековья Кузнецкой котловины*. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 77–99.
12. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. М.: Наука, 1983. 128 с. (САИ ЕЗ-18).
13. Кызласов И.Л. Курганы средневековых хакасов XIII–XIV вв. (Аскизская культура в монгольское время) // *СА*. 1978. № 1. С. 122–141.
14. Отрошенко В.В., Рассамкин Ю.Я. Половецкий комплекс Чингульского кургана // *Археология*. 1986. № 53. С. 14–36.
15. Горелик М.В. Половецкая знать на золотоордынской военной службе // *Роль кочевников евразийских степей в развитии мирового военного искусства*. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова. Алматы: Изд-во LEM, 2010. С. 127–186.
16. Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
17. Кузнецов В.А. Змейский катакомбный могильник (по раскопкам 1957 года) // *Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии*. Труды археологической экспедиции 1953–1957 гг. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книж. изд-во, 1961. С. 62–135.
18. Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тыс. н.э.) // *Советская этнография*. 1977. № 1. С. 31–48.
19. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев (Проблемы кочевого хозяйства). М.: Наука, 1972. 314 с.
20. Трифонов Ю.И. Памятники средневековых кочевников // *Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС*. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 115–246.
21. Выборнов А.В. Реконструкция конского снаряжения населения Среднего Енисея позднего Средневековья – начала Нового времени // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2009. Т. 8, вып. 5: Археология и этнография. С. 245–251.

Akmatov Kunbolot T. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: kunbolot@mail.ru

A RECONSTRUCTION OF THE HORSE TRAPPINGS OF THE TIEN SHAN NOMADS IN THE MONGOL EPOCH

Keywords: Tien Shan; Mongol epoch; burial; bit; bridle; saddle set; pictorial sources.

Horse trappings are one of the common finds in the burials of the Mongol epoch in Tien Shan. However they have not been a subject of special scientific research so far. In this paper, on the basis of the artefacts with account of pictorial sources, we reconstruct the horse trappings used by Tien Shan population in the XIII–XIV centuries.

Four remains of bridles have been found in the burials of Tien Shan. The bridle from female grave of the Seki I cemetery is more complete and rich one, which allow us to reconstruct it more easily and confidently. According to our reconstruction it consists of a leather headstall comprising a noseband, a forehead band, two cheek bands, a crownpiece and a throatlatch, an iron bit, and two lead straps for the reins. The headstall is lavishly decorated with metal plaques and pendants. Large and round plaques are mounted at the juncture of the cheek straps and the noseband and the forehead band. E-shaped plaques are fitted on the cheek bands and noseband. The same fittings are used to decorate the “heart-shaped” leather pendant in the center of the noseband. The forehead band is decorated with triangular plaques. A spherical bronze rattle-bladder is attached to it. The bit is composed of a two-piece snaffle with large round ring at either end to which reins are attached.

The saddle set from the burials is represented by wooden saddletrees, iron stirrups, girth buckles and metal pendants to the breast and crupper straps. The saddletrees are made up of two sideboards, a vertical pommel and an inclined cantle, which are tightly tied together with leather laces. They belong to the so called “Mongolian” type, which is known from the beginning of the II millennium AD. There are three subtypes of “Mongolian” saddles in Tien Shan. The main difference among them is in the shape of the pommels. Obviously, different subtypes of saddles were used for different purposes and (or) by different age-sex groups. For example, saddles with trapeze-shaped pommels, presumably, were used mainly by woman. The saddles were accompanied by a girth strap, a breast strap and a crupper strap. They are not preserved in the burials. But there are finds of girth buckles and pendants made of metal and bone, which are included in our reconstruction. The stirrups from the burials are made of iron and consist of two posts that form an arch over the foot and a tread on which the foot rests. There are three types of them: arch-shaped, trapeze-shaped and round. Judging by the number of finds the arch-shaped stirrups were in widespread use.

On the whole we may conclude that the grave goods represent an important and almost full source on the subject. On the basis of these materials with account of pictorial sources we were able to reconstruct the most possible original look of the horse equipment of the Tien Shan population in the Mongol epoch.

REFERENCES

1. Anon. (2011) *Illustrations of costume and soldiers and sites of interest*. [Online] Available from: <http://www.warfare.altervista.org/>. (Accessed: 12th June 2015).
2. Shaanxi Provincial Institute of Archaeology. (2014) Preliminary Report on the Excavation of Yuan Tombs at the Huangzipo village in the Southern Suburb of Xi'an. *Archaeology and Cultural Relics*. 3. pp. 21–34.
3. Tabaldiyev, K.Sh. (1996) *Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya* [Mounds of medieval nomadic tribes of the Tien Shan]. Bishkek: Aybek.
4. Akmatov, K.T. (2017) *Vooruzheniye i konskoye snaryazheniye kochevnikov Tyan'-Shanya v mongol'skoye vremya* [Armament and equestrian equipment of the nomads of the Tien Shan in Mongolian time]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
5. Mogilnikov, V.A. (1981a) Pamyatniki kochevnikov Sibiri i Sredney Azii X–XII vv. [Monuments of nomads of Siberia and Central Asia in the 10th – 12th centuries]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 190–193.
6. Pletneva, L.M. (1997) *Tomskoye Priob'ye v nachale II tys. n.e. (po arkheologicheskim istochnikam)* [Tomsk Ob River in the early 2nd millennium AD (according to archaeological sources)]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Borries, A. von (2006) *Snaryazheniye dlya loshadey i poni. Sedla, uzdechki, udila* [Equipment for horses and ponies. Saddles, bridles, and bits]. Translated by V. Domanovskaya. Moscow: Akvarium-Print.
8. Mogilnikov, V.A. (1981b) Tyurki [Türks]. In: Rybakov, B.A. (ed.) *Stepi Yevrazii v epokhu srednevekov'ya* [Eurasian Steppes in the Middle Ages]. Moscow: Nauka. pp. 29–43.
9. Zybailin, L.P. (1959) Srednevekovyye kurgany na Issyk-Kule (po materialam raskopok 1954–1955 gg.) [Medieval burial mounds in Issyk-Kul (based on excavations from 1954–1955)]. In: Debets, G.F. (ed.) *Trudy kirgizskoy arkheologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Proceedings of the Kirghiz archaeological and ethnographic expedition]. Vol. 2. Moscow: USSR AS. pp. 139–154.
10. Savinov, D.G., Novikov, A.V. & Roslyakov, S.G. (2008) *Verkhneye Priob'ye na rubezhe epokh (basandayskaya kul'tura)* [Upper Ob region at the turn of the epochs (Basandai culture)]. Novosibirsk: SB RAS.
11. Savinov, D.G. (1997) Mogil'nik Kaltyshevo I (novyye materialy po arkheologii nachala II tys. n.e.) [The burial ground of Kaltyshevo I (new materials on archeology beginning of the 2nd millennium AD)]. In: Bobrov, V.V. (ed.) *Pamyatniki rannego srednevekov'ya Kuznetskoy kotloviny* [Monuments of the Early Middle Ages of the Kuznetsk Basin]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 77–99.
12. Kyzlasov, I.L. (1983) *Askizskaya kul'tura Yuzhnoy Sibiri X–XIV vv.* [Askiz culture of Southern Siberia in the 10th – 14th centuries]. Moscow: Nauka.
13. Kyzlasov, I.L. (1978) Kurgany srednevekovykh khakasov XIII–XIV vv. (Askizskaya kul'tura v mongol'skoye vremya) [Barrows of the medieval Khakas in the 13th – 14th centuries. (Askiz culture in Mongolian time)]. *Sovetskaya Arkheologiya*. 1. pp. 122–141.
14. Otroshchenko, V.V. & Rassamakin, Yu.Ya. (1986) Polovets'kiy kompleks Chingul'skogo kurganu [Polovetsky complex of the Chingulsky burial mound]. *Arkheologiya*. 53. pp. 14–36.
15. Gorelik, M.V. (2010) Polovetskaya znat' na zolotoordynskoy voyennoy sluzhbe [Polovetsian nobility on the Golden Horde military service]. In: Yerofeyeva, I.V., Zhanayev, B.T. & Masanova, L.Ye. (eds) *Rol' nomadov yevraziyskikh stepey v razvitiy mirovogo voyennogo iskusstva* [The Role of Nomads of the Eurasian Steppes in the Development of World Military Art]. Almaty: LEM. pp. 127–186.
16. Vaynstein, S.I. (1991) *Mir kochevnikov tsentra Azii* [The World of Nomads in the Centre of Asia]. Moscow: Nauka.
17. Kuznetsov, V.A. (1961) Zmeyskiy katakombnyy mogil'nik (po raskopkam 1957 goda) [Zmeyskaya catacomb cemetery (according to excavations in 1957)]. In: Krupnov, E.I. (ed.) *Arkheologicheskiye raskopki v rayone Zmeyskoy Severnoy Osetii. Trudy arkheologicheskoy ekspeditsii 1953–1957 gg.* [Archaeological excavations in the region of Zmeyskaya North Ossetia. Works of the archaeological expedition, 1953–1957]. Ordzhonikidze: Severo-osetinskoye knizhnoye izd-vo. pp. 62–135.
18. Savinov, D.G. (1977) Iz istorii ubranstva verkhovogo konya u narodov Yuzhnoy Sibiri (II tys. n.e.) [From the history of the decoration of the horse of the horde among the peoples of Southern Siberia (II millennium AD)]. *Sovetskaya etnografiya*. 1. pp. 31–48.
19. Vaynstein, S.I. (1972) *Istoricheskaya etnografiya tuvintsev (Problemy kochevogo khozyaystva)* [Historical Ethnography of Tuvinians (Problems of Nomadic Economy)]. Moscow: Nauka.
20. Trifonov, Yu.I. (1987) Pamyatniki srednevekovykh kochevnikov [Monuments of medieval nomads]. In: Akishev, K.A. (ed.) *Arkheologicheskiye pamyatniki v zone zatopleniya Shul'binskoy GES* [Archaeological monuments in the flood zone of Shul'binskaya HPP]. Alma-Ata: Nauka. pp. 115–246.
21. Vybornov, A.V. (2009) Rekonstruktsiya konskogo snaryazheniya naseleniya Srednego Yeniseya pozdnego Srednevekov'ya – nachala Novogo vremeni [Reconstruction of equestrian equipment of the population of the Middle Yenisei of the late Middle Ages – the beginning of the New Time]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 8(5). pp. 245–251.